

6. Смолин О. Образование завтра: 10 поводов для разочарования [Электронный ресурс] / О. Смолин. — URL : <http://netreforme.org/tag/sokrashhenie-chisla-vuzov>.

7. Соколов М. Российский университет как политическая система [Электронный ресурс] // ПолитРу. — URL : <http://polit.ru/article/2014/03/29/university>.

8. Сухомлин В. А. Об итогах реформы высшей школы (размышления российского профессора) [Электронный ресурс] / В. А. Сухомлин. — М. : МАКС Пресс, 2010. — 48 с. — URL : http://lit.lib.ru/s/suhomlin_w_a/text_0040.shtml.

9. Фараносов А. Проблемы «утечки мозгов» из России [Электронный ресурс] / А. Фараносов // International Journal of Russian Studies. Issue 1 (2008/1). — URL : <http://www.radtr.net/dergi/sayi1/faranosov.htm>.

10. Центр Сулакшина. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 12 (266). Политические науки. Востоковедение. — Вып. 12. — С. 48–55.

Информация об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, декан, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Zulyar Yuriy Anatolievich — Doctor of Historical Sciences, Professor Dean, Historical Faculty, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., 664003, Irkutsk, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(2Р54)

Л.В. КАЛЬМИНА

ВЕРХНЕУДИНСКАЯ ЯРМАРКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье анализируется роль ярмарки в формировании экономического «лица» Верхнеудинска и установлении внутри- и межгородских социокультурных связей.

Ключевые слова: ярмарка, торговые обороты, покупательная способность, Транссибирская магистраль, торговая специализация, связующее звено.

L.V. KALMINA

VERKHNEUDINSK FAIR AS SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The article describes the role of the fair in Verkhneudinsk economic image development and its establishment in inner- and inter-towns socio-cultural relations.

Keywords: fair, trading circulation, purchasing power, Trans-Siberian Railway, trading specialization, connection.

При отдаленности Сибири от промышленных центров и слабом развитии путей сообщения основными формами торговли в регионе были ярмарочная и базарная. Верхнеудинская ярмарка как действующая по определенным правилам и проводимая в строго установленное время была учреждена в 1768 г. одновременно с ярмарками в крупных городах Восточной Сибири Иркутске и Якутске — центрах пушного промысла и торговли [11, с. 62]. В соответствии с циркуляром 1829 г., она входила в число «знатнейших» как ярмарка, чей оборот превышал 2 млн р., а в губернаторских отчетах стабильно фигурировала как «находящаяся в довольно порядочном состоянии» [5, с. 112]. Пройдя проверку временем и прочно закрепившись в системе всероссийского рынка, Верхнеудинская ярмарка оставалась эпицентром забайкальской торговли на всем протяжении XIX в. Верхнеудинск был одним из узловых межрегиональных ярмарочных центров, связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли, вокруг которых выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [12, с. 135–136].

В Забайкалье Верхнеудинская ярмарка была, пожалуй, единственным местом встречи товарных потоков формирующегося производственного сектора России и промыслового хозяйства коренного населения Сибири, хотя продукция последнего была второстепенным предметом торгова. Ко второй половине XIX в., когда происходит специализация ярмарок, определяется и профиль Верхнеудинской ярмарки — продажа мануфактурных изделий московских производителей. Основным контингентом ее участников было забайкальское и амурское городское купечество, торговцы и крестьяне Западного и Восточного Забайкалья и иркутские купцы, одновременно представлявшие московские и другие российские фирмы и фабрики [8, с. 98, 99].

Обороты ярмарки были нестабильны, обнаруживая тенденцию то к росту, то к снижению. В 1876 г. сюда было привезено товаров на 1370 тыс. р., а продано на 877 тыс., а уже в 1879 г. обороты ярмарки перешагнули через 2 млн р.: привезено на 2891 тыс., а продано на 2485 тыс. р. [4, д. 845, л. 29, 35; д. 236, л. 10]. Но даже и эти данные сильно занижены. Практически в каждом отчете Верхнеудинской городской управы о проведении ярмарки отмечалось, что оптовые торговцы уклоняются от подачи сведений о привезенных и проданных товарах или занижают их, по крайней мере, вдвое, опасаясь введения подоходного налога, а управа не имеет полномочий на проверку их торговых книг [4, д. 520, л. 42; д. 1038, л. 18; д. 2702, л. 7; 6, 1894]. По подсчетам чинов полиции, надзиравших за порядком на ярмарке, и сделанным на основании их отчетов выкладкам Верхнеудинской городской управы, хотя «точных сведений о количестве привезенных товаров, и проданных, — получить не было возможности, вследствие нежелания многими обнару-

живать размеры своего дела», оборот ярмарки даже при существенных колебаниях доходил до 3 млн р. [4, д. 577, л. 2; 6, 1895].

В верхнеудинской ярмарочной торговле просматриваются несколько тенденций. Во-первых, превышение предложения над спросом, обусловленное нестабильностью покупательной способности населения, в значительной степени зависевшей от урожайности в «зоне рискованного земледелия» [8, с. 100]. Нераспроданные товары реализовывались на других торгах в уезде или оставлялись в местных лавках, чтобы при случае пустить их в продажу. В частности, на ярмарке 1905 г., когда из-за низкой пропускной способности железной дороги, вызванной обстоятельствами военного времени, было привезено мало товаров, торговали непроданными остатками прежних [4, д. 1939, л. 127, 138]. Во-вторых, закупка товаров в кредит, по объему в разы превышающая покупку за наличные. На время работы ярмарки в городе даже открывалось отделение Государственного банка, получавшее за время проведения ярмарки до 9,5 тыс. р. прибыли [4, д. 1684, л. 1; 6, 1895]. Продажа за наличные вообще была убыточной в отличие от прибыльной продажи в кредит. Продаваемые на ярмарке товары были дороги: продавцы стремились окупить свои расходы на наем квартир и содержание, к тому же товары для перепродажи их на Верхнеудинской ярмарке закупались на других ярмарках по высокой цене [4, д. 1939, л. 70].

Имея миллионные обороты, ярмарка практически не демонстрировала производственного потенциала Забайкалья. Посетивший ее корреспондент «Восточного обозрения» А. Воткин не смог скрыть «полного разочарования» из-за того, что «эта ярмарка не была выражением культуры края, так как кой-какие продукты местной производительности утопали в наплыве издалека пришедших товаров» [3]. Привезенные же товары часто не соответствовали растущему спросу сибиряков. Как отмечалось в справочной литературе, «внутренняя торговля не всегда соотносится с нуждами покупателей, а предлагает им то, что сама получает без выбора в долг из залежалого товара на Московском, Нижегородском и частью Иркутском рынках [9, 1896, с. 257]. Неравное положение сибирских торговцев, вынужденных довольствоваться предложенным столичными купцами товаром, было также одной из особенностей сибирской ярмарочной торговли.

Верхнеудинская ярмарка, как и все сибирские ярмарки, играла роль корпоративного сообщества сибирских торговцев против монополии российских для совместной защиты своих интересов, которые были изначально ущемлены неравенством, сложившимся в системе разделения товарных потоков [13, с. 122]. Сибирь была вынуждена закупать дорогую фабричную продукцию европейской части России в обмен на поставку дешевого сельскохозяйственного сырья. В отсутствие других форм общения деловых людей ярмарка представляла собой что-то вро-

де бизнес-центра, в котором формулировались предложения к региональной власти. Это был один из наиболее демократических институтов, где статус человека определялся только деловыми качествами, а не принадлежностью к сословию или конфессии, что было очень близко менталитету сибиряка, лишенному «заискивающей услужливости» и «холопских замашек», «привыкшему» к евреям, мусульманам, лютеранам и католикам» [7, с. 278; 2, с. 30]. А для приезжих крестьян ярмарка выступала еще и в роли культурно-массового мероприятия [12, с. 134].

Как многонациональное сообщество ярмарка, успешно выполняя функции деловой коммуникации, обнаруживала этническую специфику ведения дел и позволяла познакомиться с «особенностями национальной торговли». Если русские «торговые гиганты» Второвы, Родионовы, Бутины брали размахом, то, к примеру, «еврейский элемент», как отмечали современники, «слишком ярко выделился» мобильностью и быстротой оборачиваемостью денег. В «Восточном обозрении» писали, что «не будь еврея, то ярмарка (Верхнеудинская. — Л. К.) была бы похожа на «спящее царство» [...], еврей импульсировал ярмарочную торговлю, и в этом отношении сибирский купец далеко отстал от него» [3].

На протяжении многих лет ярмарка оставалась брендом Верхнеудинска, главной составляющей его экономики, формировавшей торговое «лицо» города. Именно она была основой его благополучия, с ней связывались перспективы его дальнейшего развития. Судьба ярмарки и неразрывно соединенная с ней судьба города всякий раз выдвигались на первый план при защите городских интересов: и при обосновании необходимости проведения через город Транссибирской магистрали, иначе «всякая торговля падет, ярмарка уничтожится; город рухнет и обратится в [...] жалкую захолустную деревню»; и при доказательстве преимущества перемещения из Читы в Верхнеудинск Управления Забайкальской железной дороги и железнодорожных мастерских как способе «подкормить» городскую торговлю ростом массы платежеспособного потребителя [4, д. 577, л. 2; д. 1038, л. 18; д. 2256, л. 3]. При планировании дальнейшей судьбы города и определении его стратегической роли в регионе городская власть, прежде всего, измеряла новшество предполагаемым ростом (или падением) ярмарочной торговли, и аргумент о необходимости сохранения ярмарки, «которая не даст городу упасть», неизменно шел в ход как решающий.

Проведение Транссибирской магистрали, прошедшей через Верхнеудинск, подтвердило прогнозы путешественников, предсказавших резкое падение значения ярмарки с «нашествием» коммивояжеров московских и лодзинских фирм» [2, с. 185]. В 1901 г. обороты ярмарки едва достигли 580 тыс. р. Представители крупных фирм приезжали не столько для закупки товаров, сколько для окончания расчетов прежних лет [9, б.г., с. 193]. Переписка Верхнеудинской городской управы полна тре-

воги по поводу сокращения более чем наполовину дохода населения от аренды квартир приезжими, составлявшего ежегодно около 50 тыс. р., и ненадобности крупных магазинов, специально выстроенных для сдачи внаем на время ярмарки [4, д. 2256, л. 3].

Упадок ярмарочной торговли отчасти объясняется тем, что с появлением рельсового пути упростилось приобретение товаров из первых рук, отпала необходимость закупать их на целый год на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, которые перестали играть главные роли в снабжении Забайкалья. Крупные оптовики предпочитали покупать товары в Москве, торговцы с менее значительным капиталом заключали сделки с оптовыми складами, открывшимися во многих городах вдоль железной дороги, в том числе и в Верхнеудинске.

Однако и прогнозы утверждавших, что «первый свисток паровоза возвестит ей (ярмарке. — Л. К.) вечную память», ибо «такова уж судьба всех пунктов [...], немощных для того, чтобы держать знамя местной культуры» [3], тоже оказались далеки от реальности. Железнодорожная магистраль не привела к полному уничтожению ярмарочной торговли, а лишь к ее раздроблению. Вместо крупных ярмарок возникла масса мелких по селам и деревням, так как городская торговля из-за своей отдаленности не могла удовлетворить растущий спрос сельского населения. Более того, Верхнеудинск, оказавшись в выгодном положении — на пересечении железнодорожной линии, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселенного и хлебородного района, — приобрел статус крупнейшего в Забайкалье экономического центра и транспортного узла. Его географическое положение, ресурсы окружающего района питали городскую торговлю, в том числе ярмарку, которая продолжала действовать. В 1902 г. только мануфактуры на ней было продано на 240 850 р. [9, 1905, с. 178]. Более того, в 1903 г. в городе была учреждена вторая — летняя — ярмарка, проводившаяся в конце августа — начале сентября, на которой шел торг товарами для осеннего и зимнего сезонов. Необходимость ее открытия Верхнеудинская городская дума обосновала сезонными заготовками припасов для золотых приисков и торговли с Монголией, «когда уже есть виды на урожай, на рыбные и звериные промыслы» [4, д. 1710, л. 3-4]. Доставка товаров из Иркутска по Ангаре, Байкалу и Селенге и их сплав по Амуру в летнее время был вдвое дешевле, чем по железной дороге. В отчетах городской управы стал указываться общий оборот обеих ярмарок: в 1909–1912 гг. он составлял свыше 1,5 млн р. [10, с. 261]. Снижение заметное, если учесть, что до проведения магистрали обороты одной ярмарки были вдвое выше, чем теперь обеих. Однако роль ярмарок от этого не стала меньше: первая по-прежнему служила распределительным центром торговых потоков среди городов и уездов Забайкалья; вторая выполняла функцию снабжения золотых промыслов перед зимним сезоном и была посредником

между крупными и мелкими торговцами Троицкосавского, Селенгинского и Верхнеудинского уездов, получивших возможность приобретать все необходимое без поездки в Иркутск. К тому же она стала связующим звеном между европейской Россией и Монголией. Именно в это время наблюдается наплыв в Верхнеудинск монгольских товаров, которые обменивались на продукцию европейской фабричной промышленности, удешевленную провозом по железной дороге. Активизации торговли с Монголией способствовала удобная транспортная схема Верхнеудинска, где была устроена ветка от вокзала на речную пристань Селенги, и пароходное сообщение по Селенге, Байкалу и Ангаре [4, д. 1710, л. 3–4, 7–8].

Таким образом, Верхнеудинская ярмарка и в XX в. не потеряла своего значения. Ее устойчивость объясняется тем, что в условиях многоукладности экономики на окраинных территориях России ярмарки как архаичные виды оптовой торговли дополняли модернизированные формы оптовой и розничной торговли (склады, аукционы, биржи) развивающегося всероссийского рынка. Устояв, ярмарочная торговля в Забайкалье эволюционировала, сократив свои объемы и изменив характер (дробление ярмарок в результате проведения Транссибирской магистрали, перераспределение экономических ролей торговых городов, смена универсальности торговли специализированной, уменьшение объемов наличной торговли), но в целом ее потенциал не был исчерпан. Экономика Забайкалья, с опозданием даже по отношению к другим регионам Сибири включившегося в процесс капитализации, не сразу смогла предложить формы торговли, альтернативные ярмарочной. Хотя ярмарка представляет собой вид торговых связей периода позднего феодализма, конкурентная среда и гибкость принципа ценообразования органически вписали ее в рыночную экономику.

При своем экономическом амплуа торгово-распределительного центра Верхнеудинск не мог не использовать ярмарку как средство своего продвижения на всероссийском рынке. Ярмарка и после проведения Транссибирской магистрали оставалась стержнем экономической жизни города, формирующим его статус и специализацию, определяющей его торговое «лицо», и продолжала успешно выполнять функции организации внутри- и межгородских торговых связей вплоть до 1920-х гг.

Список использованной литературы и источников

1. Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. Астырев. — М. : Тип. Д.М. Иноземцева, 1891. — 450 с.
2. Виноградов А. В дальних краях / Виноградов А. — М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнарв и Ко, 1901. — 332 с.
3. Восточное обозрение. — 1894. — № 44.
4. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 10 (Верхнеудинская городская управа). — Оп. 1.

5. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. / С. В. Евдокимова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — 248 с.
6. Забайкальские областные ведомости. — 1894. — № 16. — Прилож. к неофиц. части; 1895. — № 11. — Прилож. к неофиц. части.
7. Кропоткин П. Дневники разных лет / П. Кропоткин. — М. : Советская Россия, 1992. — 414 с.
8. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX вв. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т. В. Паликова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 312 с.
9. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 г. — Томск : типо-литография П.И. Макушина, 1896. — 592 с.; на 1904 г. — Томск : изд. Ф.П. Романова, б.г.; на 1905 год. — Томск : изд. Ф.П. Романова, 1905. — I отд.
10. Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. Вып. II / В. Солдатов. — СПб., 1912. — Т.V. — Ч. 1. — 327 с.
11. Шахеров В. П. Города Сибири в дореформенный период / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. — 185 с.
12. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.
13. Щеглова Т. К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX — начале XX вв. / Т. К. Щеглова // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII — начало XX вв.) / отв. ред. И. Л. Дамешек, Ю. А. Петрушин (Серия «Азиатская Россия»). — Иркутск : ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания», 2008. — С. 117–128.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Kalmina Lilia Vladimirovna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy, 6, Sakhiyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: kalminal@gmail.com.

УДК 930.85
ББК 63.3

И. А. КОЛОКОЛЬНИКОВ

ИРКУТСКОЕ РАДИО: НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

В ноябре 2014 г. отметила свой юбилей старейшая радиовещательная организация региона — «Радио России — Иркутск». Она име-